

Научная статья / Research Article

УДК 903.5

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-04)

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК МОГИЛЬНО-СТАРОЖИЛЬСКОЕ-V В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА

Юрий Викторович Герасимов¹, Михаил Андреевич Корусенко^{2*}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия;
ngajapti@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>;

² Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия;
otto.link@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье рассматриваются некоторые вопросы этнической истории коренного населения Омского Прииртышья. Проанализированы материалы курганного могильника Могильно-Старожильское-V, исследованного авторами в 2018–2019 гг. Памятник находится в зоне северной лесостепи Тоболо-Иртышья. Могильник насчитывает 80 насыпей, расположенных на невысоком пологом останце в пойме левого берега Иртыша. В результате раскопок были исследованы четыре кургана и ритуальный комплекс, связанный с поминальной обрядностью. Все погребения были нарушены в древности с ритуальными целями. Выявленные детали погребального обряда и сопроводительный инвентарь позволили сделать вывод о том, что памятник был оставлен кочевым населением XIV–XV вв. Изучение исторических и этнографических материалов, а также сравнительный анализ археологических данных дают основание полагать этнокультурную связь этой группы с тюрками Барабы.

Ключевые слова: Омское Прииртышье, археология, курганные могильники, кочевники Средневековья, этническая история

Для цитирования: Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Курганный могильник Могильно-Старожильское-V в лесостепном Прииртышье как источник по этнокультурной истории региона // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №2. С. 50–63 [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-04)

THE BURIAL MOUND OF MOGILNO-STAROZHILSKOE-V IN THE FOREST-STEPPE PRIIRTYSHYE AS A SOURCE ON THE ETHNOCULTURAL HISTORY OF THE REGION

Yuriy V. Gerasimov¹, Mikhail A. Korusenko^{2*}

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia;
ngajapti@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>

² Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia;
otto.link@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

*Corresponding Author

Abstract. This article explores some issues of the ethnic history of the indigenous population of the Omsk Irtysh region. This paper analyses the materials of the burial mound of Mogilno-

Starozhilskoe-V, studied by the authors in 2018–2019. The site is located in the range of the northern forest-steppe of the Tobolo-Irtysh region. The burial ground consists of 80 mounds located on a low-lying remnant in the floodplain of the left bank of the Irtysh. As a result of the excavations, 4 burial mounds and a ritual complex associated with memorial rites were investigated. All burials were violated in ancient times for ritual purposes. The revealed details of the funeral rite and the accompanying inventory allowed us to conclude that the site was left by the nomadic population of the 14th — 15th centuries. The study of historical and ethnographic materials, as well as a comparative analysis of archaeological data, gives reason to believe there is an ethno-cultural connection of this group with the Baraba Turks.

Key words: Omsk Irtysh region, archaeology, burial mounds, nomads of the Middle Ages, ethnic history

For citation: Gerasimov Yu. V., Korusenko M. A. The Burial Mound of Mogilno-Starozhilskoe-V in the Forest-Steppe Priirtyshye as a Source on the Ethnocultural History of the Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):50–63. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-04)

Введение
Эпоха Средневековья занимает особое место в истории эногенеза автохтонного населения Западной Сибири — именно в это время происходит формирование той этнической карты обширной территории, которая для коренных народов в целом сохранилась до наших дней. В финале раннего железного века угорское население прииртышской лесостепи практически полностью было вытеснено или ассимилировано самодийцами, что на археологическом уровне выразилось в смене памятников саргатской культуры памятниками кулайской. Позже на угро-самодийский субстрат накладывается массив тюркоязычных кочевников, вначале освоивших обширные пространства степи и лесостепи, оставив памятники сrostкинской культуры, а затем проникших в южно-таежную зону, где в V–VI вв. складывается потчевашская культура. Памятники потчевашской и сменившей ее в IX–X вв. усть-ишимской культуры, связываемые с южнохантыйским населением (Конииков, 2007, с. 253), изучены относительно подробно, вопросы же ранних этапов эногенеза тюркоязычного населения лесостепного Прииртышья в современной науке намечены лишь схематично. Не в последнюю очередь такая ситуация связана с крайне слабой степенью изученности археологических памятников этого региона.

История изучения

Первые археологические изыскания в лесостепной зоне левобережья Иртыша следует связывать с именем любителя древностей, тарского купца Е. И. Малахова, который в 1860–1870-х гг. обследовал и описал более 200 курганов, расположенных на коренной террасе от Тары до Омска, раскопав некоторые из них. Полученные материалы были презентованы на Всероссийской этнографической выставке 1867 г., где заслуги археолога-любителя были отмечены золотой медалью. К сожалению, дальнейшая судьба этих коллекций до сих пор неизвестна (Жук, 1994). Следует упомянуть раскопки в конце 1920-х гг. В. П. Левашовой курганных могильников Изылбаш и Роментеевка, расположенных на юге лесостепной зоны, засвидетельствовавшие бытование носителей сrostкинской культуры в регионе. В 1964 г. А. С. Чагаева раскопала курганы у д. Бызовка (Чагаева, 1964), с 1966 г. исследования в Омской области разворачивают отряды Уральской археологической экспедиции (Овчинников и др., 1966), а в 1967 г. археологические работы в Прииртышье начинает В. А. Могильников (1967). Результатом

этих работ стало открытие более сотни новых памятников археологии, выделение нескольких археологических культур разных эпох и создание культурно-хронологической шкалы древностей Среднего Прииртышья.

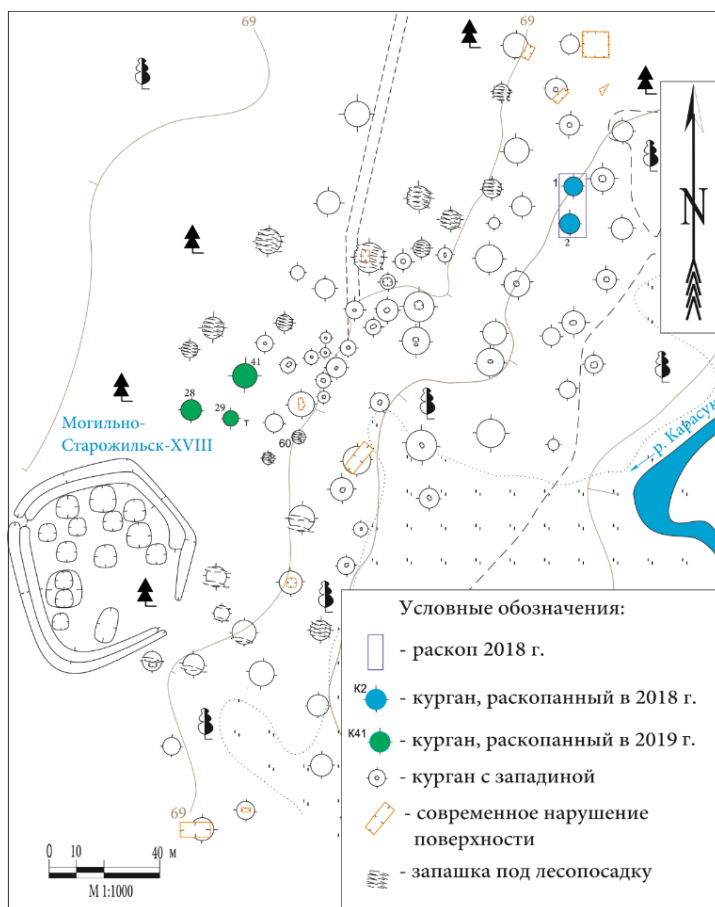

Рис. 1. Курганный могильник Могильно-Старожильское-V.
План памятника с указанием исследованных курганов

Fig. 1. Burial mound Mogilno-Storozhinskoe-V.
Plan of the site with the indication of the excavated mounds

В свете темы нашей работы особенный интерес представляют результаты исследования А.С. Чагаевой курганного могильника у д. Бызовка и Ирчинского могильника В.А. Могильниковым. Бызовский могильник включал 30 курганов, бессистемно, по описанию автора, расположенных на мысовидном участке коренной террасы р. Иртыш, из которых был раскопан один. На основе полученного материала А.С. Чагаева датировала погребение серединой II тысячелетия. К сожалению, исследовательница не составила план памятника, в дальнейшем его территория активно распахивалась, и в 1990 г. И.В. Моревым были обнаружены лишь четыре насыпи, а в 2019 г. уда-

лось зафиксировать остатки лишь одного кургана (Корусенко, 2020, с. 190–191). Ирчинский могильник, расположенный на невысокой гриве в пойме левого берега Иртыша, насчитывает более 60 курганов, расположенных неровными рядами вдоль ее оси. Полученная коллекция позволила датировать исследованные погребения VIII–IX вв. и связать их с носителями сросткинской культуры. Таким образом, археологические данные для изучения процессов этногенеза населения прииртышской лесостепи к настоящему времени ограничены единичными захоронениями, которые охватывают хронологический диапазон VII–IX вв.; памятников более позднего времени в этой зоне до настоящего времени не известно. На протяжении 2018–2019 гг. авторами были раскопаны пять курганов из состава курганного могильника Могильно-Старожильское-V, датированных XIV–XV вв., полученные материалы опубликованы (Корусенко, Герасимов, 2021). В настоящей работе мы попытаемся осмыслить эти данные как источник для изучения процессов этнокультурогенеза коренного населения Омского Прииртышья.

Материалы и методы

Курганный могильник Могильно-Старожильское-V расположен в зоне северной лесостепи Западной Сибири, в пойме левого берега р. Иртыш на останце, известном как «урочище Могильская роща», высота которого не превышает 2 м над уровнем поймы. Южная часть гривы занята березовой рощей, в северной расположены посадки сосны, вдоль юго-восточного склона протекает пойменная речка Карасук. Памятник насчитывает 79 насыпей, протянувшихся пятью извилистыми рядами различной протяженности и наполненности по линии СВ–ЮЗ, в соответствии с контурами останца. Наибольшая плотность насыпей фиксируется в центральной части памятника, размер курганов здесь от 4,5 до 10 м. На восточном склоне гривы преобладают насыпи крупных размеров — от 7 до 11 м, расположены они более разреженно. В центре некоторых насыпей читаются воронковидные западины старых грабительских ям, часть курганов ограблена уже в наше время, о чем свидетельствуют подпрямоугольные шурфы с отвесными стенками. Для раскопок были выбраны насыпи, расположенные на противоположных, СВ (№1, 2,) и ЮЗ (№28, 29, 41), окраинах памятника, без видимых следов разрушения (рис. 1). Поскольку материалы раскопок ранее публиковались, мы приведем лишь самые общие результаты исследований, используемые как основа интерпретации.

Метрические характеристики насыпей курганного могильника Могильно-Старожильское-V, раскопанных в 2018–2019 гг.

Metric characteristics of the mounds of the Mogilno-Starozhilsкое-V burial mound, excavated in 2018–2019

№ кургана	Диаметр кургана, м	Высота кургана, м
1	6,5	0,55
2	7,7	0,6
41	9,5	0,7
28	7,5	0,5
29	6	0,5

(по: Корусенко, Герасимов, 2021, с. 482)

Метрические характеристики насыпей приведены в таблице. Все насыпи имеют куполовидный профиль, возводились на древней поверхности без какой-либо предварительной подготовки, из принесенного грунта, рвы отсутствуют. Под курганами №1, 28, 29 обнаружено по одной могиле, в кургане №2 — две, под насыпью №41 погребений не было, но исследована серия объектов, связанных с поминальной обрядностью населения, что позволяет интерпретировать ее как ритуальный комплекс.

При разборке насыпи №1 собрано скопление фрагментов лепного керамического сосуда, орнаментированного каплевидными насечками, в насыпи кургана №2 находки отсутствовали. При снятии насыпей курганов №28, 29, 41 собраны фрагменты керамики переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку, происхождение которых следует связывать с расположенным у северо-восточной оконечности памятника городищем Могильно-Старожильское-XVIII (МС-XVIII) этого же времени.

Захоронение в кургане №1 совершено в овальной яме 2×2,5 м, глубиной до 0,48 м от материка, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ. Погребение было разрушено в древности, кости и остатки сопроводительного инвентаря в беспорядке свалены в юго-западной части, *in situ* зафиксированы стремена у северо-восточной стенки могилы, что позволяет предполагать ориентацию умершего головой на юго-запад (Корусенко, Герасимов, 2021, рис. 2.-1). К северу от могилы обнаружены остатки ритуального объекта в виде небольшой чашеобразной ямки с чешуей, фрагментами костей и трех черепов рыб, заполненной серой пылеватой супесью.

Насыпь №2 перекрывала надмогильное сооружение в виде прямоугольного пирамидального сруба из пяти венцов, размером 3×4 м, ориентированного длинной осью по линии ЮЗ–СВ, сложенного из расколотых продольно бревен. Сруб был уложен на поверхность земли, под его западным углом на земле обнаружен альчик МРС. Северная сторона конструкции обожжена, ее южный угол разрушен в результате позднего вторжения в курган для размещения детского подхоронения.

Центральная могила, овальных очертаний, ориентирована по линии ЮЗ–СВ, ее размеры составляют 2,36×1,4 м, глубина — 76 см от уровня материка. При расчистке заполнения ямы обнаружена грушевидная свинцово-оловянистая подвеска. Остатки костяка свалены кучей в юго-западной части ямы. В россыпи костей обнаружены обломок железного ножа и бусина. Под южным углом сруба обнаружено погребение ребенка в яме 1,4×1,35 м, глубиной 23 см от уровня материка, ориентированной по линии З–В, костяк лежит вытянуто на спине, головой на запад.

В кургане №28 захоронение взрослого располагалось в подовальной яме размером 0,68×1,35 м, глубиной 0,78 м от уровня материка, ориентированной по линии СЗЗ–ЮВВ. Захоронение было разрушено в древности, в могиле обнаружены только обломки черепа и один фрагмент трубчатой кости в западной части ямы и осколок трубчатой кости в восточной. Остатки сопроводительного инвентаря, зафиксированные при раскопках кургана, включают железные кольчатые удила и осколок круглого зеркала из белой бронзы (Корусенко, Герасимов, 2021, рис. 2.-2, б).

В кургане №29 изучено погребение взрослого человека, расположенное на древней дневной поверхности. Погребение в древности подверглось ритуальному разрушению, верхняя часть костяка до пояса отсутствует, ниже кости лежат в анатомическом

порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой к юго-западу, череп лежит на темени в юго-западной части могилы. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Под насыпью №41, которая ни местоположением, ни внешним видом никак не выделялась среди остальных, исследован ритуальный комплекс, включающий восемь ям различной конфигурации, расположенных вокруг центральной (рис. 2). Большая часть объектов пуста, заполнение представлено однородной серой супесью с фрагментами керамики, которые относятся к культурному слою городища Могильно-Старожильское XVIII. В центральном углублении собрано около 900 осколков костей животных, лежавших слоями, перекрытыми землей, в расположенном севернее — обнаружен развал сосуда с осколками трубчатых костей животных (Корусенко, Герасимов, 2021, рис. 1), в находящемся у восточной полы насыпи расчищены череп и несколько шейных позвонков собаки.

Обсуждение

На основании анализа сопроводительного инвентаря и особенностей погребального обряда исследованные комплексы могут быть датированы XIV–XV вв.; поскольку объекты расположены в разных частях памятника, можно с большой долей вероятности предполагать, что курганный могильник образует единый в культурно-хронологическом отношении комплекс.

Такие характеристики погребального обряда, как положение костяка, ориентация погребенного, конфигурация могильных ям, наличие и конструкция погребального сооружения, находят аналоги в могильниках Барабинской лесостепи, которые исследователи связывают с тюрками, имевшими контакты с аборигенным населением южной тайги. Характерной особенностью исследованного комплекса, отличающей его от близких памятников Барабы, следует считать следы ритуала обездвиживания покойных, которые были зафиксированы нами во всех могилах. О том, что нарушение целостности костяков носило целенаправленный ритуальный характер, может свидетельствовать тот факт, что насыпи курганов после проникновения в могилу были восстановлены, что не характерно для охотников за «курганном золотом».

Интересным объектом является ритуальный (культовый?) комплекс, исследованный под насыпью №41, функционирование и сооружение которого, судя по взаиморасположению элементов, их заполнению и распределению находок, происходило одновременно. Вначале были удалены почва и верхняя часть подстилающего слоя в северо-западном и западном секторах будущей насыпи. На открытой площадке были выкопаны три отдельных ямы (объекты №1, 2, 4), соединенные неглубокой канавкой. Затем в центральную (№2) был помещен сосуд с жертвенной пищей, в крайнюю (№1) — сброшены, вероятно, остатки костра в виде небольших угольков и золы, после чего ямы были засыпаны. Засыпка объекта №4 ненамного превышала уровень поверхности, а над объектом №2 была возведена небольшая насыпь. Затем было выбрано углубление объекта №5, грунт из которого перекрыл объекты №2, 4; он также был засыпан принесенным грунтом. Вероятно, примерно в это же время был сооружен объект №6, который содержит захоронение жертвенного животного — отчлененную голову собаки, над которым также была сооружена невысокая насыпь. Объекты №1–2, 4–6 образовали дугу, обращенную к северу.

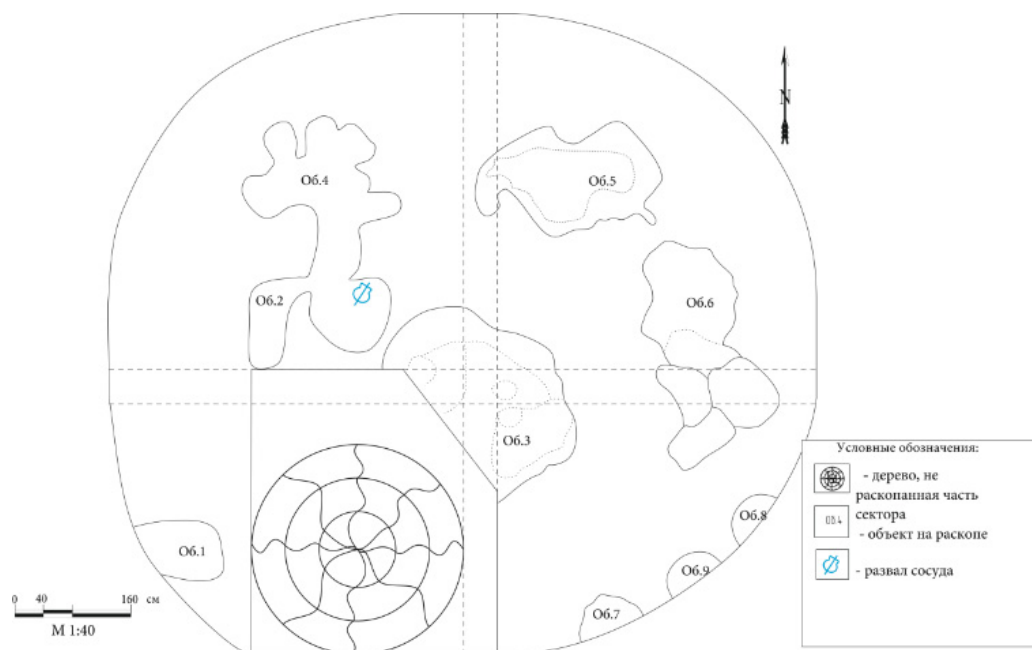

Рис. 2. Курганный могильник Могильно-Старожильское-V, курган №41.
План расположения объектов в раскопе

Fig. 2. Burial mound Mogilno-Starozhilsкое-V, mound No. 41.
Plan of the location of objects in the excavation

После этого в центре дуги была вскрыта яма объекта №3, грунт из которой был отброшен к северу, перекрыв седловину между объектами №2, 4 и №5, 6. Объект сооружался в несколько этапов. На первом было выбрано углубление в северной части, заполненное обломками костей животных, среди которых явно преобладают остатки КРС (75% определимых остатков), остальная часть — лошадь, незначительное количество — косуля, единичны находки МРС. Трубочатые кости расколоты продольно, встречаются расколы суставных частей. Отмеченные повреждения с большой долей вероятности указывают на то, что кости являются остатками трапез, которые были сброшены в яму⁴. Учитывая место обнаружения скопления, можно полагать, что речь следует вести о ритуальных приемах пищи, возможно, связанных с поминальной обрядностью. Слои костей не менее трех раз пересыпались грунтом, содержащим остатки культурного слоя городища МС-XVIII, что указывает на неоднократность и определенную ритуализированность использования объекта. По достижении нижней границы почвенного слоя к югу и юго-востоку от ямы было вскрыто еще одно углубление до уровня материка, грунт из которого был сброшен на засыпку первой ямы объекта №3. В углубление попали несколько крупных костей животных, которые можно связывать с ритуальными действиями населения, оставившего могильник, затем оно было засыпано

⁴ Определения остеологических находок выполнены А.А. Бондаревым (Омск).

грунтом с остатками культурного слоя городища МС-ХVIII. Вероятно, в финале были вскрыты ямы объектов №7–9, назначение которых и связь с остальными объектами не ясны. После этого бугристая поверхность была выровнена принесенным грунтом до куполовидного профиля, признаков какого-либо дальнейшего использования комплекса не зафиксировано.

На основе полученных данных реконструкция основных элементов погребальной практики представляется следующей.

Предварительной подготовки подкурганной площадки для совершения погребений не зафиксировано, могильные ямы подчетыреугольной формы, с ровными стенками и дном, ориентированные по оси юго-запад–северо-восток, вскрывались сразу от поверхности. Размеры ямы коррелировали с возрастом (ростом) погребенного, глубина, как правило, довольно значительна — до 0,7 м в материке, лишь в одном случае глубина не превышала мощности почвенного слоя. Умершего укладывали на дно ямы вытянуто на спину, головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь, вероятно, был гендерно дифференцирован, зафиксировать какие-либо закономерности в его расположении не удалось из-за нарушения погребений, за исключением того, что стрелы клали в ноги погребенного. Следов перекрытий могил не отмечено, в одном случае исследовано намогильное сооружение в виде невысокого прямоугольного пирамидального сруба, северная сторона которого обожжена. Следов прокала на прилегающих к сооружению участках насыпи кургана не прослежено, поэтому можно полагать, что подожженная конструкция была засыпана грунтом довольно быстро, пока пламя не успело разгореться. В одном случае к северу от погребения в специальном углублении была оставлена ритуальная пища в виде рыбного отвара с непищевыми отходами рыбы. Курганы сооружались, видимо, по кругу, кольцевыми насыпями, в том числе вокруг прямоугольного сруба, что и определило их форму. Возможно, после окончания строительства насыпи на ее склоне разводился небольшой костер, следы которого прослежены в виде небольших прокаленностей грунта в верхних горизонтах насыпей курганов №1, 28, 29. Поминальная обрядность, на наш взгляд, отражена в ритуальном комплексе кургана №41, который занимает особое место среди других насыпей, и, возможно, в развале стенки лепного сосуда, обнаруженном на северном склоне кургана №1 под дерном.

К постпогребальным действиям следует отнести прослеженное во всех взрослых захоронениях разрушение погребений без повреждения инвентаря, но со следами ритуализированного нарушения скелета (Епимахов, Куприянова, 2015, с. 116). Мы склонны рассматривать указанные нарушения могил как свидетельства проведения определенного ритуала, цель которого пока не выяснена. В ходе совершения ритуала центральная часть насыпи кургана прокапывалась колодцем до уровня залегания костяка, затем кости извлекались вместе с расположенным с ними сопроводительным инвентарем, но полностью могила не вычищалась. Интересно отметить, что при выборке насыпей человеческих костей не обнаружено, что свидетельствует о тщательности, с которой собирались останки. Вероятно, извлеченные костяки укладывали на подготовленные средства транспортировки и уносили за пределы насыпей, где с ними проводились какие-то действия. Каких-либо следов целенаправленного воздействия или

повреждений на костях не зафиксировано. Затем останки беспорядочно скидывались в раскопанную яму, при этом ни в одном погребении не собран полный скелет, возможно, часть костей утрачивалась при транспортировке эксгумированного костяка либо удалялась при выполнении действия за пределами кургана. После совершения обряда яма засыпалась, профиль насыпи восстанавливался. Нельзя исключать, что костры, следы которых упомянуты выше, разводились именно на этом этапе. Можно уверенно утверждать, что от момента погребения до проведения обряда проходило время, достаточное для того, чтобы мягкие ткани и связки разложились полностью. Остается пока без ответа вопрос о том, кто совершал описанный ритуал. Возможно, что это способ ритуальной очистки пространства группой населения, пришедшей на эту территорию после совершения захоронений, но следов ее пребывания пока не зафиксировано. В то же время нельзя исключить, что такой обряд был одним из элементов постпогребальной обрядности населения, оставившего могильник, хотя оба предположения пока носят исключительно гипотетический характер.

Рассуждения о возможной этнокультурной атрибуции памятника при современном уровне изученности неизбежно будут носить вероятностный характер, но, на наш взгляд, они представляют ценность с точки зрения определения дальнейшего научного поиска для решения проблем этнической истории коренного населения Омского Прииртышья. Основанием для попытки этнокультурной интерпретации полученных материалов послужат исторические сведения и археологические данные, полученные в сопредельных районах.

Исторический контекст происходивших в XIV–XV вв. на юге Западной Сибири событий связан с нахождением территории в составе государства кочевых узбеков (восточных кыпчаков) хана Абу-л-Хаира (1430–1468 гг.). Речь идет о государстве восточного улуса Джучи. Абу-л-Хаир — потомок Шибана (пятого сына Джучи), хан государства кочевых узбеков, подчинивший в том числе области современного левобережья р. Иртыш, степные и лесостепные районы Приишимья и Притоболья. Известно, что Абу-л-Хаир в 1428 г. провозгласил себя ханом в области Тура (Чимги-Тура), локализуемой на месте современного г. Тюмень (Маслюженко, 2011, с. 52).

По своей структуре это государственное образование, по мнению исследователей, копировало или повторяло государственное устройство ханств Золотой орды, которые, в свою очередь, восходят по своему устройству к еще более ранним государственным образованиям тюрков — Тюркскому каганату и др. (Чернышев, 2015, с. 158). То есть государство кочевых узбеков занимает промежуточное положение между федеративным и конфедеративным устройством, или федерацией или конфедерацией группы кочевых племен.

Основу административного деления государства составляли владения отдельных групп племен (улусов, юртов) с летовками и зимниками. Их улусы или юрты, за исключением владений хана и его приближенных или родственников, имели высокую степень автономности, фактически власть хана (верховного хана, кагана) была на этих территориях номинальной (Маслюженко, 2017, с. 123, 127).

Интересующая нас в данной статье территория — левобережье р. Иртыш между современными районными поселками Саргатское и Большеречье с большой долей веро-

ятности входила во владения государства кочевых узбеков. Для периода XIV–XV вв. н.э. на данном уровне осмысления источников можно представить этнокультурный состав населения обозначенной нами территории только приблизительно. Тем не менее отметим ключевые моменты, которые позволят нам ориентироваться и в данном вопросе. С VII в. н.э. местное угорское и самодийское население начало подвергаться давлению со стороны населения степи, и к середине II тыс. н.э. (XIII–XV вв.) в степных и лесостепных районах юга Западной Сибири и ряде прилегающих территорий они были замещены либо ассимилированы тюркскими группами (Чернышев, 2015, с. 158; Томилов, 1992, с. 13).

По данным Н. А. Томилова, в 1-й половине XVI в. н.э. территория Прииртышья входила в состав кочевий хана Тугума, которому были подчинены казахские племена. В XVI в. казахи кочевали в бассейне верхнего Тобола, Ишима, Иртыша, где находились их летники, тогда как зимники располагались в центральных районах современного Казахстана (Томилов, 1992, с. 74–76).

В научной литературе есть упоминания о такой же структуре летовок и зимовок правителей Тюменского и Сибирского ханств: их зимовки лежали на территории современного Северного и Западного Казахстана, а также в Приаралье и Присырдарьинском регионе (Маслюженко, 2017, с. 124).

Таким образом, можно предположить наличие на исследуемой территории (Омском Прииртышье) групп восточных кыпчаков (кочевых узбеков) — исторических предков современных казахов, ногайцев, а также групп аборигенного населения, известных в составе Тюменского и Сибирского ханств по письменным источникам, — тюмень, буркут, чимги, башгырт (Мустакимов, 2010, с. 22–23, 26).

Такая пестрая картина не позволяет однозначно интерпретировать этнокультурную принадлежность населения, оставившего памятник, но, опираясь на данные археологии, можно указать наиболее вероятные направления культурных и, возможно, этногенетических связей.

Для погребальных традиций кимаков, населявших территорию современного Павлодарского Прииртышья, характерна ориентация умерших головой на восток или северо-восток (Могильников, 1981а, с. 45); позже, в XIII–XIV вв., у кыпчаков ориентация умерших сменяется на северо-западную (Могильников, 1981б, с. 195). Указанная особенность обряда резко контрастирует с прослеженной на могильнике МС V, близкие аналоги последнему обнаруживаются в памятниках Барабинской лесостепи. В могильнике Венгерово-VII, датируемом X–XII вв., захоронения, совершенные по обряду трупоположения, ориентированы головой на юго-запад, под насыпями курганов открыты остатки квадратных деревянных срубов, зафиксированы следы ритуальных разрушений могил. Ярким отличием упомянутых комплексов от курганов МС-V является наличие кольцевых ровиков с перемычками, оконтуривающих подкурганную площадку, на которой отмечен погребенный дерн. Деревянные сооружения имеют следы обожжения. Традиция ориентации умерших головой на юго-запад в Барабе сохраняется и в памятниках XVI–XVII вв. (Садовка-4, Малый Чуланкуль-1, Абрамово-10), которые исследователи связывают с историческими предками барабинских татар (Молодин, Соловьев, 1990, с. 168). В поздних комплексах потревоженные костяки встречаются

ся реже, что, возможно, свидетельствует об угасании традиции ритуального обезвреживания умерших, исчезают и срубы под насыпями. В насыпях курганов могильника Малый Чуланкуль-1 обнаружены фрагменты керамических сосудов, орнаментированных рядами ямочных вдавлений неправильной формы; в одном случае зафиксирован остродонный сосуд с аналогичным орнаментом, установленный вверх дном на погребенную почву рядом с могилой (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 134). Описанная керамика по форме и орнаментации близка собранной в скоплении при исследовании насыпи №1.

Заключение

Перечисленные особенности погребальных комплексов находят прямые аналоги в могильнике Могильно-Старожильское-V, что позволяет полагать культурную, а возможно, и этногенетическую близость населения, оставившего рассматриваемый памятник, жителям Барабинской лесостепи. В то же время специфика погребального ритуала контрастирует с восточнокыпчакскими традициями, что не дает оснований утверждать о связи изучаемой группы с историческими предками современных казахов. Вероятно, изучаемый памятник можно связать с одной из групп аборигенного населения, известных по письменным источникам, но для однозначного вывода данных недостаточно. Развитие наблюдаемой традиции в дальнейшем было прервано на рассматриваемой территории, вероятно, в результате бурных исторических событий XVI–XVII столетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Епимахов А. В., Куприянова Е. В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограждений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. №3. С. 115–117.

Жук А. В. Малахов как археолог // Таре — 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Ч. 2: Археология и этнография. Омск : Ом. гос. ун-т, 1994. С. 14–23.

Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Наука, 2007. 466 с.

Корусенко М. А. Отчет о проведении археологической разведки в г. Омске, в Омском, Марьяновском, Щербакульском, Калачинском, Кормиловском, Нововаршавском, Саргатском, Муромцевском районах Омской области в 2018–2019 гг.: в 7 т. // Архив Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4, Диск №3-2020. Омск, 2020. Т. II: Текст. 273 с. [Электронный ресурс]. 1 CD-R.

Корусенко М. А., Герасимов Ю. В. Могильник Могильно-Старожильское-V в Омском Прииртышье как источник по этнокультурной истории региона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 481–487.

Маслюженко Д. Н. «Начальный» этап функционирования узбекского ханства Абул-л-Хайр хана в отечественной историографии // Вестник Курганского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 7. №3. С. 52–58.

Маслюженко Д. Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Пермского государственного университета. История. 2017. Вып. 2. С. 122–131.

Могильников В. А. Отчет о работе Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3464. 52 л.; №3464а — Альбом иллюстраций к отчету. 29 л., 63 ил.

Могильников В. А. Кимаки. Сибирские древности VI–X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981а. С. 43–45.

Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981б. С. 194–200.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабграфических источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань : Ихлас, 2010. С. 21–32.

Овчинников В. А., Федюнева Н. А., Сулин Э. А., Чебакова Т. Н., Липский В. И., Бельтикова Г. В., Петрин В. Т. Отчет об археологических разведках, произведенных Уральской экспедицией в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3425. 84 л.

Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск : Наука, 1992. 271 с.

Чагаева А. С. Отчет об археологических работах Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького, проведенных летом 1964 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №2921. 33 л., 20 ил.

Чернышев С. А. Древний (домонгольский) период развития государственности в Западной Сибири в контексте социально-экономической истории Центральной Азии // Вестник Омского государственного университета. 2015. №4. С. 156–159.

REFERENCES

Epimakhov A. V., Kupriyanova E. V. All-Russian (with international participation) Round Table “Archaeology of Ancient Robberies and Symbolic Burials” (Chelyabinsk, 2015). *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 2015;15(3):115–117. (*In Russ.*).

Zhuk A. V. Malakhov as an Archaeologist. In: Tara is 400 years old. Problems of Socio-Economic Development of Siberia. Part 2: Archaeology and Ethnography. Omsk : Om. gos. un-t, 1994. Pp. 14–23. (*In Russ.*).

Konikov B. A. Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages. Omsk : Nauka, 2007. 466 p. (*In Russ.*).

Korusenko M. A. Report on Archaeological Exploration in Omsk, Omsk, Maryanovsky, Shcherbakulsky, Kalachinsky, Kormilovsky, Novovarshevsky, Sargatsky, Muromtsevsky Districts of the Omsk Region in 2018–2019: in 7 volumes. In: Archive of Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of IAET SB RAS. F.VII-4, Disc No. 3-2020 Omsk, 2020. Vol. II: text. 273 c. [Online source]. 1 CD-R. (*In Russ.*).

Korusenko M. A., Gerasimov Yu. V. The Burial Ground of Mogilno-Starozhilskie V in the Omsk Irtysh Region as a Source for the Ethnocultural History of the Region. In:

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVII. Novosibirsk : Nauka, 2021. Pp. 481–487.

Maslyuzhenko D. N. The “Initial” Stage of Functioning of the Uzbek Khanate of Abul-Khair Khan in Russian Historiography. *Vestnik Kurganskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki = Bulletin of Kurgan University. Series: Humanitarian Sciences*. 2011;7(3):52–58. (In Russ.).

Maslyuzhenko D. N. Composition and Functions of the Ruling Elite of the Tyumen and Siberian Khanates. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2017;2:122–131. (In Russ.).

Mogilnikov V. A. Report on the Work of the Irtysh Detachment of the West Siberian Expedition in 1967. In: Archive of IA RAS. F-1. R-1. No. 3464. 52 p; No. 3464a — Album of Illustrations to the Report. 29 p, 63 il. (In Russ.).

Mogilnikov V. A. Kimaki. Siberian Antiquities of the 6th –10th Centuries. In: Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981a. Pp. 43–45. (In Russ.).

Mogilnikov V. A. The Sites of Nomads of Siberia and Central Asia of the 13th –14th Centuries. In: Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981b. Pp. 194–200. (In Russ.).

Molodin V. I., Sobolev V. I., Soloviev A. I. Baraba in the Late Middle Ages. Novosibirsk : Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)

Mustakimov I. A. Possessions of Shiban and Shibanids in the 13th — 15th Centuries According to Some Arabographic Sources. In: Medieval Turkic-Tatar States. Issue 2. Kazan : Ihlas, 2010. Pp. 21–32. (In Russ.).

Ovchinnikov V. A., Fedyunyaeva N. A., Sulin E. A., Chebakova T. N., Lipsky V. I., Beltikova G. V., Petrin V. T. Report on Archaeological Surveys Carried out by the Ural Expedition in 1966. In: Archive of IA RAS. F-1. R-1. No. 3425. 84 p. (In Russ.).

Tomilov N. A. Ethnic History of the Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain in the 16th — 20th Century. Novosibirsk : Nauka, 1992. 271 p. (In Russ.).

Chagaeva A. S. Report on the Archaeological Work of Omsk State Pedagogical Institute Named after A. M. Gorky, Conducted in the Summer of 1964. In: Archive of IA RAS. F-1. R-1. No. 2921. 33 p., 20 il. (In Russ.).

Chernyshev S. A. The Ancient (pre-Mongol) Period of the Development of Statehood in Western Siberia in the Context of the Socio-Economic History of Central Asia. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Omsk State University*. 2015;4:156–159 (In Russ.).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Герасимов Ю. В.: сбор и обработка материалов, написание разделов статьи.

Корусенко М. А.: сбор и обработка материалов, научное редактирование статьи, общее руководство.

Gerasimov Yu. V.: collection and processing of materials, writing sections of the article.

Korusenko M. A.: collection and processing of materials, scientific editing of the article, general guidance.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Герасимов Юрий Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омск, Россия.

Yuriy Victorovich Gerasimov, PhD in Historical Sciences, Research Fellow of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia.

Корусенко Михаил Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омск, Россия.

Mikhail Andreevith Korusenko, PhD in Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2022;
одобрена после рецензирования 19.05.2022;
принята к публикации 31.05.2022.
The article was submitted 10.05.2022;
approved after reviewing 19.05.2022;
accepted for publication 31.05.2022.*